

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

TM

ДЖЕНИ КРАУЧ
СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ
ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

— ИНТРИГА —

Л Ю Б О В Н Ы Й   Р О М А Н

Интрига – Harlequin

Джени Крауч

Спасательный круг для любимой

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Крауч Д.

Спасательный круг для любимой / Д. Крауч — «Центрполиграф»,
2016 — (Интрига – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07055-5

Шерри Митчел, художник-криминалист, приехала в Корпус-Кристи, надеясь восстановить душевные силы после двух лет изматывающей работы в ФБР. Однако оказалось, что по улицам курортного городка разгуливает маньяк. Следствие зашло в тупик. Джону Хаттону, присланному на помощь полиции, агенту сектора «Омега», удалось уговорить мисс Митчел помочь в расследовании. Молодые люди влюбились друг в друга, но Шерри подозревает, что нужна Джону только на время следствия. А между тем положение становится все опаснее...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-07055-5

© Крауч Д., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джени Крауч

Спасательный круг для любимой

Janie Crouch
Fully Committed

Copyright © 2016 by Janie Crouch

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

Шерри Митчел была единственной туристкой на всем побережье Корпус-Кристи, штат Техас, одетой в джинсы и рубашку с длинным рукавом. А между прочим, температура в этот июньский денек приближалась к сорока градусам по Цельсию.

Правда, над ней был раскрыт большой яркий пляжный зонт, скрывающий ее от испепеляющего жара солнечных лучей. Она была родом из Хьюстона – истинная техасская девчонка – и поэтому лучше переносила жару, чем жители средних широт. Во всяком случае, туристы с подозрением косились на нее.

Под одеждой на ней был купальник – красное бикини, купленное специально для этого отпуска, – но она не могла заставить себя раздеться. Проблема заключалась в холоде, который с недавнего времени не переставал терзать Шерри изнутри. Она постоянно ощущала этот холод. И казалось, ей уже никогда не согреться.

Умом она понимала, что этот холод даже в тридцатиградусную жару – всего лишь игра воображения, продукт ее воспаленной психики. На самом деле телу не было холодно. Холод у нее в голове.

Физически с ней было все в порядке. Она прошла полный медицинский осмотр. И доктор не только объявил ее абсолютно здоровой, но и поздравил с тем, что она более благоразумна, чем многие люди ее возраста, которые сторонятся медосмотров как чумы, пока гром не грянет.

Она плотнее запахнула рубашку. Это был не просто холод. Она не представляла возможным раздеться на публике и сидеть здесь почти нагишом. Ей казалось, что одежда защищает ее хрупкий внутренний мир, не давая ему рассыпаться.

«Замерзшая» и «разваливающаяся на части». Эти четыре слова, которые она и не подумала бы примерить на себя всего год назад, теперь идеально ей подходили. Она слишком многое повидала, слишком часто общалась с людьми со сломанными судьбами. Слишком долго работала без перерыва, не давая себе отдохнуть, залечить раны.

Теперь Шерри вынуждена была взять отпуск. Потому что терзавший ее холод превратился в леденящую стужу, стоило ей взять в руки блокнот и карандаш.

И то и другое лежало рядом с ней под зонтом на полотенце, но она не притрагивалась к ним, хотя скучала по рисованию. По воплощению того, что подсказывало ей воображение, или того, что видели другие люди, как это было в недавнее время.

По ее телу пробежала дрожь. Шерри, поджав колени, обняла их руками и принялась раскачиваться из стороны в сторону.

Когда-то она рисовала каждый день, карандашом или красками на всем, что попадалось под руку: в блокнотах, на листах для компьютерных распечаток, внутри книжных обложек.

Немного повзрослев, она поняла, что существуют специальные средства для рисования и их можно купить. С тех пор ее уже никто не видел без альбома. Рисование было частью ее натуры. Все друзья знали, что Шерри постоянно что-то рисует, и давно привыкли к этому.

Зато родителей, успешных, но далеких от искусства бизнесменов, ее страсть сводила с ума. У отца и у матери были небольшие фирмы, которые они могли передать Шерри, если бы она поступила по-умному: пошла в колледж и получила соответствующее образование. У Шерри была двойная степень, но только в том, что ей по-настоящему нравилось: по искусству и психологии. Психологией она увлеклась прежде всего потому, что изучение человеческих душ помогало ей в рисовании.

За четыре года, прошедшие со дня окончания колледжа, Шерри достигла определенных успехов в мире искусства. Сильно она не разбогатела, но и далеко не бедствовала.

А два года назад она обрела призвание в судебно-криминалистическом искусстве.

Это было идеально для ее природного художественного дара в сочетании со знанием психологии. Как только ФБР стало известно, как она в этом хороша, ее взяли на полный рабочий день, иногда переходящий в ночь, и последние два года она трудилась на бюро не покладая рук. Но если бы она знала, какую высокую цену ей придется за это заплатить, вряд ли решилась бы связаться с ФБР.

Вот уже более шести месяцев Шерри не брала в руки карандаш, чтобы порисовать ради удовольствия. Последние пять месяцев она это делала только на работе, и то с трудом.

И вот в прошлом месяце, после раскрытия особо жестокого преступления, у нее начались приступы холода. Потом она, преодолевая себя, закончила еще два дела. Ее шеф в ФБР был рад, что Шерри взяла две недели отпуска. Это позволит ей «восстановиться и вернуться в строй полностью готовой к тому, что она умеет лучше всего, – выслушать жертву, нарисовать картинку у себя в голове и перенести ее на бумагу, чтобы сотрудники правоохранительных органов могли посадить за решетку очередного плохого парня».

Именно так он и выразился. Хотя его слова были слишком далеки от реальности, в которой пребывала Шерри. Как художница могла вернуться к работе, если даже теперь, окруженная невероятными красотами морского побережья, которые так и просятся на полотно, она не могла взять в руки карандаш?

Это был третий день ее двухнедельного отдыха в Корпус-Кристи. И вот сегодня она решилась выйти на улицу после того, как смотрела на море лишь из окна домика на берегу, когда-то приобретенного ее родителями, в который они так ни разу и не приехали.

Она даже дошла до пляжа. Пока этого достаточно. Может, через пару дней она пойдет так далеко, что окунет ноги в залив.

Через несколько минут она отправится на машине в центр Корпус-Кристи за своей подругой Каролиной. Они учились в колледже в Далласе, вместе посещали уроки психологии и сдружились. Каролина работала в этом городе парамедиком.

По крайней мере, у Шерри будет повод надеть юбку и блузку с коротким рукавом. Каролина волнуется за нее. И станет еще больше переживать, если в такую жару Шерри явится на встречу одетая как сейчас. Шерри не говорила Каролине, что с ней случилось, не хотела расстраивать подругу. Но та явно что-то подозревала.

Ужин и «Маргарита» на заднем дворике «Пьер 99», переделанного под ресторан пирса на Северном пляже, с лучшей подругой – о чем еще можно мечтать?

Никаких ужасов. Никакого стресса. Не надо заставлять себя рисовать. Лишь коктейли «Маргарита», легкомысленные разговоры, и все.

Джон Хаттон уже поднес ко рту сэндвич с жареной грудинкой – за последнюю неделю он успел пристраститься к местной тexasской кухне, – как ему пришло короткое сообщение: «Еще одна жертва изнасилования. Мемориал».

Джон бросил недоеденный сэндвич и встал. Он оставил на столе двадцатку – хватит не только чтобы заплатить за еду, но и на щедрые чаевые официантке – и выбежал на улицу.

Больница «Кристус СПОН Корпус-Кристи» – сокращенно «Мемориал» – находилась в самом центре города. Джон прекрасно знал, где это. Но не по тому, что его снабдили данной информацией местные представители правопорядка; нет, он сам изучил карту.

Сотрудники полицейского департамента Корпус-Кристи сильно обозлились, когда к ним прислали Джона, сотрудника отдела критического реагирования «Омеги». Они тут же дали понять, что не нуждаются в его навыках поведенческого аналитика и кризис-менеджера. И это было чертовски плохо, потому что по Корпус-Кристи разгуливал серийный насильник.

Пять изнасилований за восемь недель. Теперь уже шесть, с женщиной, только что поступившей в больницу. Местная полиция городка не обладала необходимыми ресурсами для того, чтобы справиться с ситуацией. Население пребывало в панике.

Была вызвана «Омега», и на место прибыл Джон, имеющий богатый опыт работы в ситуациях, требующих многосторонних знаний, таких как составление психологического портрета преступника, анализ преступлений и генетический анализ, следственные предложения, межведомственная координация.

Джон умел увидеть картину в целом и в то же время разглядеть детали, которые иногда упускали другие. Ему всегда удавалось сложить вместе кусочки головоломки подобного масштаба и получить нечто большее, чем простая сумма фактов.

Он также был пилотом, отличным снайпером и мог убить человека голыми руками дюжиной разных способов. Но это не сообщалось в его официальном досье.

Местным Джон пришлось не ко двору. Информацией они делились неохотно, и о новостях Джон узнавал последним.

Но Джон и с такими проблемами умел справляться и не сидел сложа руки. Он прибыл остановить изверга, очень умного изверга, который до сих пор не оставил на месте преступления ни единой улики.

Местных полицейских нельзя было обвинить в том, что они плохо выполняют свой долг. Джону и самому никак не удавалось совершить ни малейшего прорыва, хотя он уже целую неделю беседовал с жертвами и изучал закономерности поведения преступника.

Все, что им оставалось, – это ждать очередного нападения в надежде на то, что на этот раз преступник допустит ошибку.

Сообщение о поступившей жертве пришло не от сотрудника полицейского департамента. Джон не сомневался, что ему не сразу, но сообщили бы о новой трагедии. Они же не хотят, чтобы их обвинили в преднамеренном сокрытии информации.

Сообщение прислала Каролина Джилл, парамедик. Джон познакомился и подружился с ней и ее напарником, Майклом Даттоном, в начале недели, когда беседовал с ними о жертве номер два, которую они также перевозили несколько недель тому назад.

Они открыто говорили с ним обо всем, что им было известно, что видели и слышали. Джон поинтересовался, есть ли у них какие-нибудь соображения насчет этого дела, они ведь первыми прибыли на одно из мест преступления. Джон по опыту знал: иногда благодаря информации, поступившей из самых неожиданных источников, совершался прорыв в расследовании.

Торопясь как можно раньше попасть в «Мемориал», Джон мчался через весь город на предельно допустимой скорости. Припарковав свой автомобиль как можно ближе к входу больницы, он вбежал через раздвижные стеклянные двери, показал дежурной сестре свое удостоверение и объяснил, кого собирается навестить. К нему тут же подошла старшая медсестра Сара Бет Каррекер. С ней он уже беседовал, поскольку все жертвы изнасилования поступали в Центр экстренной травматологической помощи «Мемориала».

Сестра Каррекер коротко кивнула ему и, поджав губы, сообщила:

– Я провожу вас. Пациентку госпитализировали в отдельную палату травматологии.

– Это плохой знак, да?

– Физически дела обстоят неплохо. Это конечно же мое личное мнение. За официальной информацией вам лучше обратиться к врачу, – заявила она, но по выражению ее лица было понятно: сама она считает, что знает куда больше докторов, особенно тех, кто недавно покинул студенческую скамью.

– Значит, физически она поправится. И в отдельной палате она вовсе не поэтому. – Джон не спрашивал, он просто констатировал факт.

– Да, – кивнула сестра, сворачивая за угол. – А вот эмоционально женщина нуждается в полной изоляции.

– Что-нибудь можете рассказать о ней?

– Молодая. Из местных. На этот раз афроамериканка, так что различия имеются. Но гематомы и черепно-лицевые травмы идентичны предыдущим.

Черная. На челюсти Джона заиграли желваки. Демографическая картина атакованных женщин настолько разнится, что это неслыханно для серийного маньяка. Именно поэтому в полиции сначала считали, что имеют дело с разными преступниками.

Сестра Каррекер остановилась посередине коридора.

– Агент Хаттон, вы должны помнить: для этой женщины ее несчастье – не полицейское дело. Весь ее мир только что рухнул.

– Хорошо, спасибо за напоминание.

Сестра потрепала его по руке и ушла. Джон направился к палате жертвы. У дверей собралось по меньшей мере с полдюжины лучших полицейских Корпус-Кристи. При его появлении они разделились на две группы – одни не мигая уставились на него, другие предпочли не обращать на чужака внимания.

Черт, непростой денек ему предстоит.

Глава 2

Зейн Уэльс, детектив, с которым Джон сотрудничал, – правда, сотрудничество это можно было назвать с большой натяжкой, – делал вид, что сверяет что-то в своем смартфоне с бумажным файлом. Молодой человек явно старался не смотреть Джону в глаза. Именно он, Уэльс, должен был позвонить или прислать Джону сообщение, а не парамедик.

Джон подавил раздражение. Сейчас не время и не место ругаться с Уэльсом по этому поводу. Тем более что капитан местного полицейского департамента поощрял любое негативное отношение к Джону.

– Хаттон, – бесцветным тоном поприветствовал его Уэльс. Этот парень не расставался с ковбойской шляпой. Они в Техасе, и ничего удивительного в этом нет, но все же подобные вещи раздражали Джона.

– Уэльс. – Джон вопросительно приподнял бровь, но говорить ничего не стал.

– У жертвы врач, так что пока к ней никого не пускают.

Уэльс встал между ним и дверью в палату, словно Джон собирался вломиться туда силой. Джон усмехнулся.

Он окинул взглядом толпящихся вокруг офицеров – как минимум полдюжины, и все как один мужчины. Они все хотели быть рядом на случай, если понадобится их помощь. И хотя Джон ценил этот жест, им следовало немедленно удалиться.

Он повернулся к Уэльсу:

– Тебе не кажется, что здесь многовато мужчин для женщины, которая только что пережила грубое нападение?

Уэльс явно удивился, услышав из уст Джона разумное высказывание. Наверное, ждал, что тот начнет скандалить и выяснять, почему его никто не уведомил о происходящем.

– Вообще-то ты прав, – согласился Уэльс. – Последнее, в чем эта женщина нуждается, – куча людей у дверей, особенно мужчин.

Уэльс подошел к офицерам и попросил их удалиться. Джон слышал, как детектив заверил людей, что их известят лично, если что-то можно будет сделать для пострадавшей. Джон заключил, что Уэльс в общем и целом нормальный человек и только с ним ведет себя как говнюк.

После того как люди в форме удалились, Уэльс снова подошел к Джону. Оба прекрасно понимали, что пройдет некоторое время, прежде чем они смогут поговорить с жертвой, но чем скорее это произойдет, тем лучше.

– Нам что-нибудь известно о потерпевшей? – спросил Джон.

– Ее зовут Жасмин Хаус. Ей двадцать семь, не замужем, живет на Мустанг-Айленд, что рядом с пляжем. Работает на «Флинт Хилл ресорсиз», это нефтяная компания.

Город Корпус-Кристи отличался своими великолепными пляжами, привлекающими массу отдыхающих, и развитой нефтяной промышленностью, вследствие этого публика здесь была самая разношерстная.

– Сестра сказала, что черепно-лицевые травмы такие же? – спросил Джон.

– Я еще не видел ни ее саму, ни медицинские отчеты, – ответил Зейн Уэльс. – Но насколько я понимаю, дело обстоит именно так.

Прошло еще около часа, прежде чем доктор – женщина – и две медсестры вышли из палаты. Доктор закрыла за собой дверь так решительно, словно хотела показать, что в ближайшее время никого к пациентке не допустит, и коротко поприветствовала мужчин.

– Как она, доктор Розмонт? – спросил Уэльс. – Мы можем с ней поговорить?

– Вы должны понимать, что мисс Хаус травмирована и физически, и психологически. – Она скрестила руки на груди.

– Мы все понимаем, – заверил ее Уэльс. – Но нам очень нужно побеседовать с ней.

– У мисс Хаус серьезные гематомы на лице и челюсти. Насильник нанес ей несколько быстрых ударов, чтобы оглушить, ее глаза полностью заплыли.

Похоже, именно этого и добивался преступник, чтобы жертва не смогла опознать его. Джон поморщился. То же самое было характерно для других эпизодов. Собственно говоря, именно травмы лица и помогли им понять, что это дело рук одного человека.

– Как думаете, она захочет поговорить с нами? – спросил ее Уэльс.

Доктор Розмонт пожала плечами:

– Она определенно не захочет, чтобы ее сейчас окружили мужчины, зайти сможет только один из вас.

– В таком случае я беру это на себя, ребята, – послышалось у них за спиной.

Джон обернулся и увидел последнего человека, которого он бы послал к только что изнасилованной женщине. Старший детектив Фрэнк Шпенглер собственной персоной, человек, которого Джон определил бы как воплощение всего плохого, что приписывалось правоохранительным органам.

Фрэнк Шпенглер слишком долго носил свой значок и перестал понимать, что самое важное в его работе – служение людям. Шпенглер был тупым и самодовольным ублюдком, его определенно не следовало допускать к женщине, которая только что подверглась серьезному испытанию.

К несчастью, Шпенглер не только занимал пост детектива, но также являлся художником-криминалистом округа Нуесес. Джон видел рисунки Шпенглера по другим делам и отметил, что этот парень умеет обращаться с карандашом. Но в данном случае ни одна из жертв не видела лица нападавшего. Их так сильно и так быстро избивали, что они полностью теряли ориентацию в пространстве и были не способны разглядеть хоть что-то, прежде чем насильник бросал их на пол. Но талант Шпенглера в их случае не имел силы, жертвы ничего полезного сообщить не могли.

Но может, с мисс Хаус дела обстоят иначе?

Доктор Розмонт кивнула старшему детективу:

– Отлично. Но ни при каких обстоятельствах вы не должны кидаться на нее всей стаей. Здесь мое слово – закон, джентльмены. Не забывайте об этом. Дверь останется открытой, если мисс Хаус скажет, что с нее хватит, вы тут же выйдете.

Джон и Зейн дружно кивнули. Шпенглер снисходительно улыбнулся врачу. Та поджала губы:

– Я проверю, как она, и тут же вернусь.

Доктор тихонько постучала и вошла в палату.

В этот момент на горизонте появилась Каролина Джилл, парамедик, которая послала Джону сообщение.

– Привет, Джон. Привет, Зейн. – Она улыбнулась Джону, но при этом не сводила глаз с Зейна.

Детектив, казалось, не замечал повышенного внимания к нему прелестного парамедика. Он лишь поздоровался с девушкой и снова уткнулся в смартфон.

– Я только что освободилась после смены и жду, когда за мной заедут.

– А где твоя машина? – спросил Джон, Зейн, видимо, так и не понял, что Каролина пришла из-за него.

– Моя подруга по колледжу приехала в город, она должна забрать меня, мы поедем куда-нибудь пообедать.

Уэльс кивнул, Каролину явно расстроило его равнодушие.

– Кстати, спасибо за эсэмэс, – сказал Джон, чтобы сменить тему.

Это Зейна явно задело, он резко вскинул голову, до сих пор ему было непонятно, каким образом Джон, так быстро узнал о происшествии. Ну что ж, теперь он в курсе.

– Правда? – уставился он на Каролину.

Каролина развернулась к нему и уперла руки в бока:

– Знаете что, Зейн Уэльс, для детектива вы иногда бываете слишком тупоголовым. Так что да, правда!

Джон с трудом удержался от смеха. А Фрэнк Шпенглер прочистил горло и, роясь в своем портфеле, проворчал:

– Сомневаюсь, что у жертвы осталось больше мозгов, чем у прочих. Но надежда умирает последней.

Джон поморщился, Каролина же задохнулась от возмущения.

– Вы уверены, что именно с таким настроением следует входить в палату потерпевшей? – спросил Джон.

– Послушайте, я делал эту работу, когда вы еще пешком под стол ходили, – огрызнулся Шпенглер. – Я не собираюсь говорить это ей. Так что не мешайте мне работать.

Не важно, собирался Шпенглер говорить это жертве или не собирался. Он так *думал*. И этого было достаточно. Джон ничего не мог поделать. Корпус-Кристи вынудили принять Джона и поделиться с ним информацией, но это все еще их дело. У Каролины был такой вид, как будто она собиралась наброситься на Шпенглера, но, к счастью, в этот момент появилась доктор Розмонт.

– Мисс Хаус согласилась увидеться с одним из вас. Я предложила ей установить временной лимит в пятнадцать минут. К ней едут родственники. Она нуждается в их утешении.

– Ха, а я-то думал, она хочет, чтобы мы поймали того, кто это с ней сотворил, – пробурчал Шпенглер.

– Пятнадцать минут, детектив. Максимум. К этому времени я вернусь обратно.

Доктор Розмонт ушла. Старый офицер, не теряя времени, вошел в палату с карандашом и блокнотом в руке.

– Этот парень – подонок номер один, – заключила Каролина.

Джон не мог с ней не согласиться. Зейн не стал спорить, пожал плечами и сказал:

– К счастью, ему всего год до пенсии, к тому же он очень хорошо рисует.

Они слышали, как Шпенглер беседует с потерпевшей. По крайней мере, он начал с того, что выразил женщине свои соболезнования. Джон отвлекся от разговора, заметив, что к Каролине неслышно подошла незнакомка и они стали о чем-то шептаться.

Женщина была стройная, даже худая, выше среднего роста, светлые волосы волной падали ей на плечи, юбка не доходила до колен, коричневые ковбойские сапожки подчеркивали красоту ее ног. Джон не мог оторвать от них глаз.

Ноги у нее были просто шикарные. Она сама была шикарной! Должно быть, это и есть подруга по колледжу, о которой говорила парамедик.

Каролина подошла вместе с ней к мужчинам.

– Зейн, Джон, это моя подруга Шерри Митчел. Она приехала в Корпус-Кристи на пару недель.

Джон протянул Шерри руку, и та рассеянно пожала ее. Ее внимание было приковано к палате, в которой Шпенглер допрашивал потерпевшую, голоса там постепенно нарастали.

– Послушайте, неужели для вас важнее отдохнуть, чем оказать помощь в поимке этого парня? – ясно донеслись до них слова Шпенглера.

Шерри побелела как полотно.

– Господи, вот только не надо лить слезы, – с нескрываемым отвращением продолжил Шпенглер. – Я художник-криминалист. Просто скажите мне, что вы видели.

– Я ничего не видела, – невнятно, видимо из-за травм лица, пробормотала Жасмин Хаус. – Я его не видела. Он ударил меня, а потом... потом... мне очень жаль.

Она уже рыдала в голос.

– Вообще ничего? – продолжал нажимать на нее Шпенглер. – Абсолютно? Вы хотите его поймать или нет?

– О боже! – выдохнула Шерри.

– Я вхожу, – сказал Джон Зейну. – Мне все равно, какое у Шпенглера звание. Это должно прекратиться.

– Я за вами, – согласился с ним Зейн.

– Нет, – вмешалась Шерри. – Последнее, что нужно этой женщине, – толпа дерущихся у ее кровати мужчин.

Каролина кивнула:

– Она права. Я пойду. Меня она, по крайней мере, уже знает, именно мы с Майклом привезли ее сюда утром. А вы сбегайте за доктором.

– Я иду с тобой, – сказал ей Зейн. – Ты ведь знаешь, что Шпенглер не станет тебя слушать. И Хаттона тоже.

– Господи, да заткните уже кто-нибудь его! – взмолился Джон. – Я за врачом.

Шерри попятилась назад и замерла, привалившись спиной к стене. Она побелела и буквально тряслась.

– Вы в порядке? – Он осторожно коснулся ее руки.

Она молча кивнула, не отрывая глаз от палаты жертвы.

Каролина и Зейн уже вошли внутрь. Джон слышал, как Каролина тихо разговаривает с пациенткой.

Джон снова посмотрел на Шерри.

– Вы уверены, что с вами все в порядке?

– Все отлично, – ответила та, но вид ее говорил об обратном.

Шерри кивнула в сторону поста медсестер:

– Идите уже.

Джон бегом бросился по коридору за доктором Розмонт или сестрой Каррекер. Любая из них могла положить конец безобразию, которое учинил Шпенглер.

Мгновение спустя он уже нашел их обеих. Женщины, не теряя времени, кинулись по коридору к палате потерпевшей, Джон на ходу объяснял ситуацию.

Сестра и доктор вместе с Каролиной принялись отвлекать и успокаивать мисс Хаус, а Джон и Зейн схватили Шпенглера за руки и потащили к выходу.

– Да отстаньте вы, я еще не закончил! – чуть ли не кричал Шпенглер.

Трое медработников разом повернули к нему голову и в один голос заявили:

– Уже закончили.

К счастью, Шпенглер не стал устраивать потасовку и вышел из палаты, фыркая от возмущения. Джон тут же закрыл за ними дверь.

– Капитан обязательно об этом узнает, можете мне поверить. – Шпенглер яростно сверкнул глазами в сторону Джона, словно тот один был виноват в том, что его выкинули из палаты. Потом он отвернулся, сунул вещи в портфель и удалился прочь.

Ну и отлично. Главное, чтобы его больше и на выстрел не подпускали ни к Жасмин Хаус, ни к другим потерпевшим. И да, капитан полиции непременно об этом узнает. Джон посмотрел на Зейна, но тот лишь пожал плечами и покачал головой.

Каролина вышла из палаты и тихонько прикрыла за собой дверь.

– Жасмин дали успокоительное. Скоро приедут ее родные.

Джон поискал глазами Шерри. Ему хотелось поговорить с ней, удостовериться, что с ней все хорошо. И пригласить на ужин. Но той уже и след простыл.

Глава 3

На следующий день Джон был готов вырыть нору, залезть в нее и завалить вход. В первых, на улице стояла дикая жара. Он скучал по Скалистым горам Колорадо-Спрингс, где располагалась штаб-квартира «Омеги». Он скучал по свежему воздуху, прохладному даже в июне, по возможности выйти на улицу и пробежаться с утра или даже в полдень – там всегда мягкая погода.

Он сидел в кабинете капитана Харриса вместе с Зейном Уэльсом и Фрэнком Шпенглером. Шпенглер категорически отвергал жалобы лечащего врача Жасмин Хаус, называя и потерпевшую, и доктора Розмонт «иррациональными истеричками».

Уэльс хранил гробовое молчание, не опровергая и не подтверждая слова второго детектива. И хотя Джон уважал желание молодого человека не втягивать Шпенглера в неприятности прямо перед отставкой, такое поведение не шло на пользу делу. Если полицейский департамент Корпус-Кристи продолжит в том же духе, то вскоре вообще лишится контроля над расследованием. Один телефонный звонок Джона, и дело передадут федералам.

Однако это было исключительной мерой, и Джон пока не хотел применять ее. Но он не станет колебаться, если такое повторится вновь. Он уже ясно дал это понять капитану Харрису в частной беседе.

– Нам понадобится другой художник-криминалист, – сказал Джон, обращаясь ко всей троице.

– Ну, это плохо, потому что в нашем округе у меня одного есть лицензия. А у нас только лицензированные художники-криминалисты имеют право официально допрашивать свидетелей или потерпевших. – Шпенглер откинулся на спинку стула, раздувшись от сознания своей важности.

– Мои ресурсы не ограничиваются вашим округом, Шпенглер, – сбил с него спесь Джон. – И поверьте мне, я лучше сам пойду туда с карандашом и блокнотом, чем позволю вам причинить вред еще одной женщине, как это было вчера.

Шпенглер громко фыркнул:

– Вы видите, капитан? Вот такое агрессивное поведение нам приходится постоянно терпеть со стороны агента Хаттона, да он чуть ли не препятствует следствию...

Джон едва сдерживался.

– Вы что, издеваетесь? На вас подал жалобу один из ведущих травматологов штата, и вы утверждаете, что это я препятствую следствию?

– Хватит, мальчики, – с техасским тягучим акцентом прервал их капитан Харрис. – Хаттон, вы вольны воспользоваться федеральными ресурсами, чтобы найти другого художника-криминалиста.

Отношение капитана ко всему федеральному было понятно по его презрительному тону. Джон сжал зубы и промолчал.

– Отлично.

– А теперь, если вы не возражаете, агент Хаттон, я бы хотел поговорить с детективом Шпенглером наедине. Выяснить кое-что.

Отчего-то Джону казалось, что «выяснение» вряд ли подразумевает какие-либо замечания или тем более выговор. Судя по тому, как Шпенглер ухмыльнулся и шутливо отсалютовал ему на прощание, он тоже это знал.

Джон кивнул, поднялся и вышел. Ему очень хотелось поколотить Шпенглера, но Джону тридцать три, Шпенглер на двадцать пять лет старше – силы будут неравны.

Джон направился к своему письменному столу, выделенному ему департаментом в самом темном и грязном углу рядом с копировальной машиной.

Он сел на офисный стул и повернулся спиной к остальным сотрудникам, желая пусть весьма условного, но уединения, и набрал номер своего шефа, Стива Дракета.

– Еще не купил себе ковбойскую шляпу? – вместо приветствия, спросил его Стив.

Джон хохотнул:

– Пока нет. Но рассматриваю вариант убить кое-кого из местных полицейских и забрать его шляпу себе.

– Все настолько плохо?

– Сказать, что они не желают меня видеть, – это ничего не сказать. Никогда не связывайся с Техасом. – Джон вздохнул. – У нас тут вчера случилось очередное нападение.

– Наслышан.

Джон не удивился, что босс уже в курсе дела. Стив знает многое о многом.

– Я с ней еще не беседовал. Один из старших детективов устроил накануне в больнице целое представление, он умудрился еще больше травмировать несчастную потерпевшую.

– Хочешь сказать, этот парень – серьезная проблема? – спросил босс.

– Да, но ему всего год до пенсии, так что никто ничего не собирается делать, если только он не зарвется окончательно.

– Помощь требуется?

– Нет, я сам пока справляюсь. Но полагаю, должен сказать тебе, что сделал капитану полиции последнее предупреждение, с угрозой передать дело федералам.

Джон подробно рассказал о происшествии с Фрэнком Шпенглером и о жалобе из больницы на недостойное поведение детектива.

– Ну, здесь ты можешь на меня положиться. Одно твое слово – и «Омега» немедленно возьмет все в свои руки. Четыре-пять часов, и там все будет кишеть нашими агентами.

– Спасибо, но будет лучше, если расследование продолжат вести местные. Я не виню полицейский департамент Корпус-Кристи. Может, лично мне они и не нравятся, но парни тут вполне толковые. Просто преступник слишком умен. Планирует все до мелочей.

– Ты уже составил его профиль?

– Он образован или по крайней мере достаточно умен, чтобы знать, как не оставить после себя ДНК. Ни единой клеточки кожи. Эти изнасилования, бесспорно, акт доминирования, а не ярости. Преступник прекрасно управляет своими эмоциями.

– В отчетах вроде бы говорилось, что он избивает женщин? – прервал его Дракет. – Разве это не проявление ярости?

– Я так не считаю, – сказал Джон, откинувшись на спинку. – Он бьет их только затем, чтобы оглушить. Ни у одной из жертв не сломаны ни нос, ни челюсть. Если бы он избивал их в гневе, травмы были бы гораздо более тяжелыми. Он делает это, чтобы не дать жертвам рассмотреть себя, а значит, опознать. Больше ничего общего между жертвами нет, только черепно-лицевые травмы. Цвет кожи, возраст – все разное. Время и место нападения разные. Большинство случаев произошло в домах жертв, но один в отеле.

– И никаких улик на месте преступления?

– Абсолютно ничего полезного. Ни одной потерпевшей не удалось даже поцарапать насильника. – Единственной царапины было бы достаточно для того, чтобы извлечь ДНК преступника из-под ногтей жертвы, но увы. – Женщина открывала дверь, он наносил ей несколько быстрых ударов, которые тут же оглушали и практически ослепляли ее.

Босс тихо выругался.

– Если дело обстоит именно так, то, значит, ни одна из жертв не смогла предоставить ни свидетельств, ни описаний, – констатировал Стив.

– Ни единого, – вздохнул Джон. – Но я должен сказать, если бы Фрэнк Шпенглер не был единственным художником-криминалистом, у которого имеется допуск, может, у нас было бы больше информации. Судя по тому, как он вел себя вчера, он даром ест свой хлеб.

– Другие жалобы на него имеются?

– Нет, но, даже если с предыдущими потерпевшими он вел себя не столь агрессивно, установить психологический контакт с жертвой он все равно не способен. Нам нужен другой человек, Стив.

– У «Омеги» есть художники на примете, но только не в Техасе. Позволь мне сделать несколько звонков и выяснить, что мы можем сделать.

– Ладно, тогда я еду на место преступления. Многого я не ожидаю, но, по крайней мере, увижу все собственными глазами, а не на фотографиях, – сказал Джон.

– Удачи. Я скину тебе информацию, как только мы кого-нибудь подберем.

Джон нажал кнопку отбоя. Стив найдет художника-криминалиста, если таковой вообще имеется поблизости. Если нет, он из-под земли достанет того, кто не поблизости. Стив всегда давал своим агентам то, в чем они нуждались.

Неожиданно к столу Джона подошел детектив Уэльс:

– Готовы выехать на место преступления?

Джон удивленно приподнял бровь:

– Мы едем вместе?

Молодой человек закатил глаза:

– Я вас не на свидание приглашаю, Хаттон. Просто капитан велел Шпенглеру держаться подальше отдела Жасмин Хаус и от нее самой, я подумал, что мы можем поехать вместе, раз уж все равно оба туда собирались.

Поездка от участка до дома потерпевшей проходила в полном молчании, если не считать музыки кантри, льющейся из радио SUV Уэльса. Дом Жасмин Хаус находился в пятнадцати минутах ходьбы от пляжа, что относило его к элитному, но не космически дорогому жилью. Округа представлялась вполне приличным местом, определенно не из тех районов, где жители боятся открывать двери среди бела дня.

По крайней мере, до вчерашнего утра все были свято в этом уверены. Дома располагались на приличном расстоянии друг от друга. Коттедж жертвы был окружен густым кустарником по периметру переднего двора, что было на руку преступнику.

Три ступеньки, ведущие к главному входу, перегораживала желтая лента. Джон видел, что криминалисты уже побывали здесь: и на перилах, и на двери дома белел порошок для снятия отпечатков. Если все происходило так же, как и в других случаях, скоро выяснится, что насильник был в перчатках.

Как ни старались Джон с Зейном, осмотр дома тоже не дал никаких результатов. Осталось получить отчет криминалистической лаборатории.

Следующие два часа они с Зейном обходили соседей. Полицейские в форме уже прошли по домам, но дополнительный опрос не повредит. Впрочем, это тоже ни к чему не привело. Никто ничего подозрительного не слышал и не видел.

Джон был разочарован, но не удивлен.

– Я прочел ваш предварительный поведенческий анализ преступника, – сказал Зейн, когда они вышли под палящее солнце после разговора с последним из соседей.

Зейн читал отчет Джона? Удивительно! Джон думал, что Уэльс отправит его напрямую в корзину своего компьютера.

– Ты с ним согласен? – спросил он Зейна.

Тот пожал плечами и поправил шляпу.

– Несогласия не испытываю ни по одному из пунктов. Как вы и говорите, парень умен, сфокусирован, терпелив. Другие насильники, с которыми мне приходилось иметь дело, не такие. Там речь шла о слепой ярости и превосходстве над жертвой.

Джон кивнул:

– Да, большинство насильников обладает именно такими характеристиками. Возможно, наш парень просто понял, как это скрыть.

Детектив некоторое время обдумывал это.

– Меня бесит то, что он так умен, и нам ничего не остается, как сидеть и ждать, когда он нанесет очередной удар, чтобы заполучить хоть какую-нибудь зацепку.

Джона обуревали те же эмоции. Он и сам вчера об этом думал. Они ждали, пока парень допустит ошибку. А Джон к такому положению вещей не привык.

Они уже подъезжали к участку, когда Джон получил сообщение от Стива Дракета:

«Нашел тебе художника-криминалиста. Особые рекомендации от ФБР в Хьюстоне. Выслал полный файл».

– Похоже, «Омега» раздобыла нам нового художника, – сказал Джон Зейну. – Может, с ним мы хоть куда-то продвинемся.

Все, особенно Шпенглер, неодобрительно уставились на Зейна, когда мужчины переступили порог участка. Похоже, никого не радовал тот факт, что младший детектив работает с Джоном Хаттоном. Зейн пожал плечами, словно извиняясь, и исчез.

Джон вздохнул. С местными бывает очень трудно. Он взял коку – не содовую и не колу; здесь все называют ее *кока*, как ему уже поставили на вид, – и пошел к своему столу.

Ему было жарко, он был разочарован, но больше всего его раздражало то, что они никак не могли опередить ублюдка хоть на один шаг.

Агент сел и открыл файл, который ему выслало подразделение. Пришла пора распечатать информацию о художнике-криминалисте, которую ему прислал Стив.

Он сделал глоток содовой и чуть не подавился, потому что черт его побери, если на него не смотрело с листка милое лицо Шерри Митчел.

Глава 4

На фото Шерри была такой же хорошенькой, как и в жизни. Запечатлено было, правда, только лицо, так что шикарных ножек он не увидел, но длинные светлые волосы и голубые глаза были к его услугам.

И хотя внешне она ему очень понравилась, Джон тут же на нее обозлился. Как она могла стоять в коридоре и спокойно терпеть издевательство Фрэнка Шпенглера над потерпевшей? И ни словом не обмолвиться о своей профессии?

А судя по всему, она была настоящим спецом. Если в документе содержалась хоть доля правды, ее руководитель из ФБР считал Шерри Митчел одним из лучших художников-криминалистов в Техасе, если не на всем Юго-Западе. Ее послужной список был весьма впечатляющим, и особенно она поднаторела в делах об изнасиловании.

Это привело Джона к исходному вопросу: как мог кто-то обладающий столь явным талантом – с многочисленными письменными похвальными листами от чертовски высокопоставленных людей из бюро – ничего не предпринять?

Допустим, у нее был запланирован ужин с Каролиной. Можно понять, что она не хотела отменять заказ, но она могла бы предложить свою помощь чуть позже, учитывая сложившуюся ситуацию.

В глубине души Джон знал, что он несправедлив к ней, но он до чертиков устал от каждого представителя правоохранительных органов в штате, с которыми у него возникали проблемы только из-за того, что он не входил в клуб избранных техасских парней. Шерри Митчел оказалась последней соломинкой, и он собирался просветить ее на этот счет.

В последней части сообщения Стива говорилось о том, что Шерри работает на оперативный штаб хьюстонского бюро, но сейчас она уехала в отпуск, и ее руководитель не знает, куда именно. Зато Джон знает, как раздобыть ее адрес.

Джон взял телефон и набрал номер, с которого вчера ему пришло сообщение о новом изнасиловании. Каролина Джилл – вот кто скажет ему, где остановилась Шерри.

– Алло? – прозвучал в трубке сонный голос Каролины.

Джон поежился. Ей, наверное, пришлось работать сверхурочно, и теперь она пытается отоспаться.

– Привет, Каролина. Это Джон Хаттон. Надеюсь, я тебя не разбудил?

– Нет, все в порядке. У меня смена через пару часов. Что-то еще случилось?

В ее голосе послышалась тревога. Теперь она уже точно проснулась.

– Нет, нет. После Жасмин Хаус ничего. Вообще-то я звоню спросить тебя про твою подругу, Шерри Митчел.

– О! А что с ней?

– Ну, я просто подумал, что неплохо было бы навестить ее, если ты не против?

– Ты узнал.

– Что узнал?

– Что она художник-криминалист. Она в отпуске, Джон. Ей нужен перерыв.

– Я просто хотел повидаться с ней, Каролина. Я не собираюсь давить на нее или лишать отдыха. Уверен, она его заслужила.

Каролина вздохнула:

– Она так измотана. Видишь ли, она... ей нужен этот отпуск, Джон. Возможно, будет лучше оставить ее в покое.

На секунду перед его глазами встало лицо Шерри – белое как полотно, зубы чуть ли не стучат друг о друга. О'кей, да, может, она действительно устала сильнее, чем ему показалось в

начале, у нее стресс или что-то в этом роде. Но он не собирается упускать художника-криминалиста ее уровня, когда тот находится прямо здесь, в этом городе, а они в нем срочно нуждаются.

Чувствуя себя предателем, он решил сменить тактику.

– Я и вправду хотел поинтересоваться ее профессиональным мнением, но если откровенно... – Он ухмыльнулся. – Мне стыдно признаться, но я просто хотел выманить ее на свидание. Ничего серьезного, просто поесть где-нибудь.

Это было правдой. Вчера ночью, до того, как Джон узнал, кто она, действительно хотел позвать Шерри в кафе. Теперь же его интересовало только одно – чтобы она сделала свою работу.

– О! – Каролина явно колебалась, но в итоге сдалась. – Ну, это может пойти ей на пользу. Просто не загружай ее, хорошо? – Она продиктовала Джону адрес домика Шерри у пляжа. – Если ты ей не понравишься, не говори, что это я ее выдала.

– Спасибо, Каролина. Может, мы выйдем куда-нибудь все вместе? Я с Шерри, ты с Зейном.

Каролина загоготала. Только так можно было описать звуки, доносившиеся из телефонной трубки.

– Ага, поработайте над этим, агент Хаттон. И дайте мне знать, каков будет результат.

Она дала отбой. Джон понятия не имел, что происходит – или не происходит – между Каролиной и Зейном Уэльсом, видимо, все было сложно.

Однако Джону было над чем подумать, кроме романтических отношений между детективом и парамедиком. Он должен организовать свое свидание. И ответа «нет» он не примет.

Шерри сидела на том же месте, что и вчера, открытый зонт защищал ее от послеполуденного солнца. Она вновь надела свое красное бикини, но оно по-прежнему оставалось под верхней одеждой. На этот раз это хотя бы были брюки капри из легкой ткани, а не джинсы, рубашка с длинным рукавом была расстегнута. Куда более подходящий вариант для пляжа.

Шерри боялась, что происшествие в больнице вызовет у нее новый приступ ее странной болезни, и пыталась мысленно отгородиться от неприятного инцидента.

Это было трудно. Вчера вечером она несколько раз бралась за телефон, чтобы позвонить Каролине, спросить у нее номер красавчика детектива Хаттона и сказать ему, что она попытается помочь. Но всякий раз у нее случался очередной приступ, и ее чуть ли не парализовывало от холода. Нет, толку от нее все равно никакого не будет.

У нее на коленях лежал альбом. Она бесцельно водила карандашом по листу – случайные линии в такт ритму прибоя, бьющемуся о берег в дюжине ярдов от нее, на большее ее просто не хватало. По крайней мере, ее не трясло. Уже хорошо.

Шерри подмывало нарисовать лицо детектива Хаттона, которое с прошлого вечера стояло у нее перед глазами. Она помнила каждую его черточку. Темно-каштановые волосы коротко пострижены. Карие глаза, красиво очерченный чисто выбритый подбородок. В каждом жесте сквозит уверенность, взгляд умный, оценивающий окружающих и мотивы их поведения, без дела рта не раскрывает.

Шерри запомнила бы его, даже не обладая она талантом художника. Такое лицо так просто не забудешь. И стоит признать, ее впервые за долгое время бросило в жар при виде незнакомца.

А потом тот полицейский в больничной палате стал унижать женщину, и холод снова пробрал Шерри до костей. Теперь он снова начал подбираться к Шерри, и она постаралась быстренько выбросить из головы мысли о вчерашнем дне, включая детектива Хаттона.

Внезапно рядом с тенью от зонтика легла еще одна. Шерри оторвала взгляд от альбома и увидела простые коричневые «оксфорды» в сочетании с брюками цвета хаки. Неплохой стиль, кто бы спорил, но явно не для пляжа.

Она прикрыла глаза козырьком ладони и прошлась взглядом вверх к голубой рубашке поло, аккуратно заправленной в брюки, и к лицу детектива Джона Хаттона.

– На вас не слишком много одежды для пляжа? – спросил он вместо приветствия.

– Не больше, чем на вас, детектив Хаттон, – не осталась в долгу Шерри.

– Ну да, но я ведь не в отпуске, как вы, – сказал Джон.

Слово «отпуск» в его устах прямо-таки сочилось ядом, а сам он излучал напряжение.

– Это проблема? – приподняла она бровь.

– Для вас точно нет.

– Я чем-то могу вам помочь, детектив Хаттон?

Шерри почувствовала, как ее пальцы движутся вместе с карандашом, на этот раз выводя настоящую картинку, но она не обратила на это внимания. Ей было не привыкать рисовать, не глядя на бумагу.

Она сфокусировалась на Хаттоне, который по-прежнему стоял над ней, так что ей пришлось запрокинуть голову чуть ли не до боли в шее. Вне всякого сомнения, он делал это намеренно. И это бесило ее. А еще... ей вдруг стало жарко.

– Серьезно? – сказал он. – А вы сами не догадываетесь!

Господи, как же хорошо ощущать тепло! По-видимому, влечение или что там она к нему вчера почувствовала с первого взгляда, имело весьма необычные последствия.

Шерри выпрямила спину. Она не собиралась покорно позволять ему говорить с ней свысока, в прямом и переносном смысле. Она поднялась, выбралась из-под зонтика, заткнула карандаш за ухо и прижала альбом к груди.

Будучи ростом в пять футов и восемь дюймов, Шерри привыкла, что ее глаза обычно находятся на одном уровне с глазами собеседника. Так было практически со всеми мужчинами, но только не с Хаттоном. В нем как минимум шесть футов три дюйма.

– Чего именно вы хотите, детектив Хаттон?

Она старалась не замечать голубые отблески в его глазах, особенно заметные в золотых предвечерних лучах.

– Чего я реально хочу, так это знать, почему вы не сказали мне об этом. – Он указал пальцем на ее грудь.

Она окинула себя взглядом. О чем это он, о ее одежде?

– Мне просто холодно. Находиться на пляже в рубашке с длинным рукавом – не преступление.

– Нет. – Он сделал несколько шагов вперед, подойдя к ней вплотную, и забрал у нее альбом. – Я вот об этом.

Он внимательно посмотрел на рисунок. Шерри бросило в краску. Ей не хотелось объяснять постороннему человеку, что это за петельки и крючки. И тем более выкладывать ему свою историю о проблемах с рисованием. И вообще, она ни перед кем не собиралась оправдываться из-за временного отсутствия таланта.

– Верните мне его. – Она потянулась за альбомом, но он отступил.

– Почему вы не сказали мне об этом вчера? – Он потряс альбомом.

О чем? О том, что она утратила способность рисовать?

– Послушайте, это трудно объяснить...

– Правда? Неужели так трудно взять и сказать: «Я художник-криминалист. Может, я могу вам чем-то помочь?»

Он развернул альбом так, чтобы она увидела картинку. Шерри вся сжалась и уже готовилась защищаться, но тут ее взгляд упал на бумагу.

Оказывается она, сама того не подозревая, нарисовала портрет детектива Хаттона. Вышло очень похоже.

Глава 5

– Вы мне сильно польстили, – продолжал тем временем Джон с альбомом в руках. Шерри, словно замороженная, смотрела на портрет. Работа, конечно, далеко не самая лучшая. К тому же это всего лишь эскиз – грубые, угловатые линии, – но Хаттон был узнаваем, и это был ее первый за несколько недель настоящий рисунок.

И создала она его на автопилоте. При этом ее не трясло от холода. Более того, теперь, когда она вышла на солнце, ей вдруг стало по-настоящему жарко. Она сняла рубашку и завязала ее на талии. Солнышко припекало, согревая своим теплом ее плечи и спину, и это было просто волшебство.

Однако она никак не могла понять, к чему клонит Джон Хаттон.

– Зачем вы здесь? – спросила она напрямую.

– Почему вы не сказали мне вчера в больнице, что вы художник-криминалист?

– У меня нет привычки обсуждать свою профессию с абсолютно незнакомыми людьми. –

Она выхватила у него альбом.

– Вы видели, что там вчера творилось, как ужасно Фрэнк Шпенглер обошелся с бедной женщиной, стараясь выбить из нее сведения, пригодные для рисунка, и ничего не предприняли. Вы просто сбежали.

Шерри совершенно растерялась. Что она должна ответить на это? Да, она действительно сбежала. Ее так трясло, что она еле вставила ключи в дверцу машины, чтобы отпереть ее. Но она не станет объяснять ему это.

– Я просто заехала за подругой и стала свидетелем вашей ситуации.

– Вы так торопились на ужин, что не могли помочь женщине, которая только что пережила самую ужасную драму в своей жизни?

– Знаете что, детектив Хаттон? Вчера я ничего не могла сделать. К тому времени, как вы вошли в палату и вывели оттуда своего человека, урон уже был нанесен. Эта женщина не стала бы больше ни с кем разговаривать.

– Это не мой человек, – ответил Хаттон.

– Как скажете. Но он сотрудник вашего департамента. Член вашей команды.

– Нет, я не...

Шерри подняла руку ладонью к нему, останавливая детектива. Ей было неинтересно обсуждать идиота, который причинил потерпевшей боль. Насколько она успела заметить, все сотрудники правоохранительных органов Корпус-Кристи – козлы и придурки.

– Кто сказал вам, что я художник-криминалист? Каролина? – Шерри не думала, что это ее подруга, но кто знает.

– Нет, – покачал он головой. – Я сделал запрос, поскольку Шпенглера от дела отстранили и нам понадобился другой художник.

– Я рада, что детектив Шпенглер больше не сможет никого обидеть.

– Я тоже. Лично я бы его и на пушечный выстрел ни к одной жертве не подпустил.

Услышав эти слова, Шерри почувствовала себя немного лучше. Хаттон по крайней мере не защищал Шпенглера. Шерри отвернулась и принялась собирать вещи, намереваясь вернуться домой. На сегодня с нее хватит сидения на пляже.

– Мне очень жаль, что вы проделали весь этот путь, детектив, если, конечно, вы приехали не за тем, чтобы полюбоваться красотами природы. Потому что я ничем не могу вам помочь. Следующие две недели я всего лишь туристка, а не художник-криминалист.

Вышло слишком уж безразлично, но что она могла поделать? Кроме сегодняшнего наброска Хаттона, она уже несколько недель не могла ничего нарисовать. Она просто не могла помочь детективу Хаттону. Она и себе-то помочь не могла.

Джон едва сдержал свой гнев. *Просто туристка следующие две недели?* Может, Шерри Митчел и сногшибательна в своем красном лифе от бикини, но ее красота явно поверхностна. Вряд ли глубже кожного покрова. Какая жалость!

Джон прочитал в ее деле, что ее мать и отец ведут два успешных отдельных бизнеса. Похоже, мисс Митчел без меры баловали в детстве.

Джон сильно разозлился из-за категорического отказа этой дамочки помочь в сложной ситуации. Она просто взяла и сложила свой стул и зонтик, словно это еще один обычный день на побережье. Хотя для нее, видимо, именно так и было.

Но еще больше его бесило то, что его по-прежнему неудержимо влекло к ней. Джон сделал глубокий вдох. Ему надо придумать, как уговорить ее на поездку в больницу и на исполнение магического ритуала художника-криминалиста.

У Джона был богатый опыт общения с самыми разными людьми, что делало его одним из лучших агентов «Омеги». Он умел сохранять спокойствие. Он замечал то, что другие упускали из вида. Он мог читать людей как открытую книгу и при необходимости манипулировать ими.

– Агент.

Она оторвалась от сбора вещей и взглянула на него через плечо:

– Прошу прощения?

– Я агент Хаттон, а не детектив Хаттон.

– Агент ФБР? Вы не работаете на полицию Корпус-Кристи?

Значит, она не хотела ему помочь вовсе не потому, что считала его чужаком. Она понятия не имела о том, что он не из местных копов. Враждебности у Джона сразу же поубавилось.

– Нет, я не работаю ни на местное полицейское управление, ни на бюро. Я работаю на сектор «Омега», в отделе критического реагирования.

– О'кей, – кивнула Шерри. – Кое-кто из оперативного штаба ФБР упоминал «Омегу». Извините, что назвала вас детективом.

– Зовите меня просто Джон. – Он одарил ее самой очаровательной улыбкой, на которую был способен. На его маму она всегда действовала безотказно, когда он хотел избежать наказания за какую-нибудь провинность.

Шерри задумалась на секунду, потом кивнула:

– Хорошо, Джон. Я Шерри. Но вы и так это знали.

– Знал, – продолжал улыбаться он.

– Насколько я понимаю, тот парень, Шпенглер, или как там зовут этого идиота, на самом деле не член вашей команды, раз вы не из местной полиции, так что примите мои извинения и на этот счет тоже.

Джон пожал плечами:

– Извинения не требуются, но смею тебя заверить, таких как Шпенглер в моей команде не было и не будет, и уж тем более никто не подпустит его к пострадавшим.

Девушка немного расслабилась, и он понял: дать ей понять, что поведение Шпенглера непростительно, было верным ходом. Он на правильном пути. Он подошел поближе и помог ей снова сложить зонт, который раскрылся, когда она повернулась к нему.

– Послушай, мне очень жаль, что я набросился на тебя как одержимый. Но если бы ты уделила несколько минут из своего драгоценного отпуска, чтобы поговорить с жертвой насилия и помочь ей вспомнить хоть что-то, это было бы просто здорово.

– Каролина сказала, что ни одна из женщин не видела нападавшего. С мисс Хаус все иначе?

– Если верить предварительным отчетам и тому, что она сказала врачам, то нет, – поморщился Джон. – Не похоже, чтобы она успела разглядеть лицо мерзавца.

Шерри принялась запихивать вещи в объемистую пляжную сумку.

– Тогда я не смогу вам помочь.

Джон почувствовал, как в груди вновь разрастается раздражение.

– Я всего лишь прошу попробовать. У тебя прекрасный послужной список именно в таких делах, и ты женщина, а значит, мисс Хаус будет с тобой более комфортно. Может, лица нападавшего она и не видела, но вдруг что-то вспомнит. Ты наша последняя надежда.

Джону показалось, что Шерри хотела что-то сказать, но передумала. Его удивило, что она развязала рубашку и накинула ее себе на плечи, как будто замерзла, а на улице было никак не меньше тридцати градусов по Цельсию. У Джона пот градом по лицу катился, а он в рубашке с коротким рукавом. Она же застегнула свою рубашку на все пуговицы.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да, немного холодно, больше ничего.

Очень странно. Она и вчера в больнице дрожала. Интересно. Заболела?

– Ты простудилась? Температура?

– Нет. Просто... – Она пожала хрупким плечом под рубашкой. – Иногда я мерзну.

Джону хотелось докопаться до истины, но сейчас, когда ее защита немного пошатнулась, нужно было срочно дожать Шерри и склонить к интервью.

– Шерри, ты нужна мисс Хаус. Никого другого у нас нет из-за закона о лицензировании округа Нуэсес. Если ты не согласишься, останется только Фрэнк Шпенглер.

Джон не стал говорить, что, пока он здесь, этому не бывать. Если бы он признался в этом Шерри, то уговорить ее было бы гораздо сложнее.

– Я правда не могу тебе помочь. – Она поплотнее закуталась в рубашку.

– Не можешь или не хочешь?

– А есть разница?

– Я просто прошу попробовать. Всего один час твоего времени. Если ничего не получится, ладно, ты хотя бы попробовала, а не сидела здесь сложа руки.

Она долго смотрела на него, кутаясь в рубашку.

– И когда? – сказала она наконец.

– Прямо сейчас было бы идеально. – Он не собирался давать ей ни малейшего шанса передумать или прикрыться другими планами.

Она еще раз смерила его долгим взглядом.

– Хорошо, агент Хаттон. Я поеду и поговорю с потерпевшей. Но на вашем месте я бы не стала надеяться на положительный результат.

Джон кивнул:

– Просто попробуй. Это все, о чем я прошу.

Глава 6

Они с Джоном договорились встретиться в больнице. Он предложил подвезти ее, но после того, как он обошелся с ней на пляже, вполне может случиться так, что он бросит ее прямо в городе, как только увидит, что она не способна рисовать. Уж лучше сесть за руль самой, чтобы потом не пришлось топтать домой пешком.

Он еще тот фрукт, этот Хаттон. Красавец, но придурок. И если этот чертов агент думает, что она не заметила, как он пытался очаровать ее на пляже, когда добиться ее согласия с наскока не получилось, – то он ошибается. Она знала, что такое манипулирование людьми, родители так часто проделывали этот трюк, что она распознавала его с первого слова и жеста.

Она попытается сделать то, о чем просил ее агент Хаттон. Посмотрим, как он запоет, когда ее начнет колотить, и карандаш в буквальном смысле слова выпадет из ее рук.

От этой мысли ей снова стало холодно. Шерри прошла в ванную, разделась и встала под горячую воду. Она знала, что согреться по-настоящему все равно не получится – это заняло бы столько времени, что Джон наверняка забеспокоился бы и явился сюда за ней, – но по крайней мере ей стало теплее, пусть снаружи, а не внутри.

После душа Шерри взялась за фен. Волосы у нее были длинные и густые, и это заняло довольно много времени. Наконец она натянула черные джинсы, надела темно-сливовый свитер с длинными рукавами и влезла в ботинки. Затем немного макияжа – не для Джона, просто она хотела выглядеть профессионально в глазах Жасмин Хаус. Прихватив альбом и карандаш, она вышла на улицу. До больницы она доехала быстрее, чем рассчитывала.

Последние два дела Шерри вела в постоянных объятиях холода. Возможно, она сумеет поговорить с потерпевшей. Но это значит, что ей придется заставить бедняжку заново пережить самый ужасный день в ее жизни. Она вздохнула, стужа уже начала пробираться под одежду.

Пока Шерри искала место для парковки у больницы, она уже только силой воли заставляла зубы не стучать. Джон ждал ее у входа, и она без всяких обиняков выложила ему все, что было у нее на уме:

– Только один раз, агент Хаттон. Сегодня я поговорю с мисс Хаус, но это все. Я не желаю знать, чем все обернется, какие женщины замешаны в деле, дополнительные подробности и все такое. Вам придется искать другого человека.

Он прищурился на мгновение, но потом кивнул.

– Зови меня Джон. И я все понимаю. Ты в отпуске.

Ничего он не понимал. Он считал ее избалованной девчонкой, которой наплевать на всех. Все это, конечно, очень раздражало, но она должна была позаботиться о себе. Найти способ побороть приступы холода, если она хочет продолжить работу по профилю. Или вообще начать рисовать. Навсегда вычеркнуть искусство из своей жизни она не согласна.

Немного согревшись, Шерри подтянула рукава к локтю. Общение с агентом Хаттоном явно шло ей на пользу, и это уже положительный момент.

– Все правильно, я в отпуске.

– Нам пригодится все, что может вспомнить мисс Хаус, – внушал ей Джон по дороге.

Шерри заметила, что он успел перезнакомиться практически со всеми медсестрами. Они махали ему руками и перешептывались. Вне всякого сомнения, сплетничали о высоком темноволосом красавчике агенте, бороздящем их коридоры. Оставим его им.

– Любая мелочь, – повторил Хаттон. – Описание внешности подозреваемого было бы оптимальным, но и все прочее сгодится.

Шерри кивнула:

– Однако вам не стоит рассчитывать на многое.

Джон поморщился:

– Я понял, что ты не хочешь знать подробности этого дела, но у нас нет абсолютно ничего, Шерри. Этот парень чертовски умен. Поэтому когда я говорю «любая мелочь», я именно это и имею в виду.

– Я сделаю все, что смогу. – Они как раз подошли к палате Жасмин. – Я оставлю дверь открытой, но ты не должен входить. В подобных делах, и в особенности после того, что натворил вчера Шпенглер, очень важно, чтобы все прочие оставались за порогом. Я должна установить с ней контакт.

– Понял.

– Даже если ты решишь, что я продвигаюсь слишком медленно или задаю бесполезные вопросы, все равно не вмешивайся. То, что я делаю, требует времени, надеюсь, ты прихватил с собой «Пипл» или какой-нибудь другой журналчик, – спросила она.

Джон закатил глаза:

– Как насчет того, что я буду просто стоять за дверью и делать заметки?

– Вот и славно. Просто не прерывай меня, если не случится чего-то экстраординарного. Даже если тебе покажется, что я сбилась с цели или что-то упускаю.

– Уловил. Никакого вмешательства. У тебя столько времени, сколько понадобится.

– Она знает о моем приходе? И не возражает?

– Да, мы с ней договорились, хотя, как я понял, там будет кто-то из ее близких, просто на всякий случай. С доктором я тоже все согласовал прямо перед твоим приездом.

– Отлично. – Она снова посмотрела на него. – Но не жди многого.

* * *

Прошло три часа, Джон все еще сидел в коридоре у палаты Жасмин Хаус. Шерри и Жасмин болтали о всяких незначительных вещах: о туфлях, распродажах в разных магазинах и любимых местах, где можно пропустить стаканчик «Маргариты».

Шерри не задала ни одного вопроса о нападении. Она очень искусно установила с Жасмин контакт. Никакой фальши, все по-настоящему. Каждый заданный ею вопрос был искренним, вести допрос она умела не хуже, если не лучше многих маститых стражей порядка. Шерри была очень хороша в своем деле.

Неудивительно, что руководство так ее хвалило. Она обладала терпением, непринужденностью и прямоотой души. Джон видел это по тому, как она вела беседу. Она знала, когда нужно нажать, а когда отступить. Она дала возможность мисс Хаус поведать свою историю по частям, когда та была готова, не форсировала события и аккуратно возвращала ее назад, когда женщина забегала далеко вперед.

Такому нельзя научиться. У Шерри был врожденный талант. Обладая отменным чутьем на людей, Джон легко распознал в ней это.

К несчастью, нарисовать Шерри ничего не удалось. Жасмин Хаус не видела лица нападавшего, и, несмотря на все уловки, Шерри не смогла получить информации об отличительных особенностях, которые можно было бы перенести на бумагу, чтобы помочь полиции поймать преступника.

Шерри пришлось выудить из Жасмин рассказ о нападении. Это не могло не оказать влияния на девушку. Сначала выслушивать всякие ужасы, а потом исподволь заставлять несчастную жертву повторять их – работенка не из легких.

Впервые за все время Джону стало совестно из-за того, что он наговорил ей. Работа художника-криминалиста явно была очень тяжелой психологически; ему хватило пары часов у дверей палаты, чтобы понять это.

И все же Джон не думал, что даст ей просто так уйти, уж очень Шерри хороша как специалист. Может быть, она согласится опросить других потерпевших. Вдруг одна из них вспомнит деталь, которая позволит им совершить прорыв.

Может, и память мисс Хаус еще проснется. Надо поговорить с ней еще раз. И сделать это должна именно Шерри, она ведь уже установила с женщиной связь. Так будет лучше для всех. Кроме Шерри, конечно.

Джон поежился. Возможно, он должен похлопотать о продлении ее отпуска. Или – этот вариант ему очень не нравился, но он попросит ее куратора из бюро надавить на Шерри и заставить ее помочь им. Как бы то ни было, он должен заполучить Шерри.

Он услышал, что Шерри прощается с Жасмин и двумя ее родственницами, которые все время находились в палате, желает им всего доброго и обещает, что полиция сделает все возможное, чтобы найти мерзавца. Затем она просит Жасмин оставаться сильной и непременно связаться с ними, если ей вспомнится любая, даже несущественная, с ее точки зрения, мелочь. Пусть звонит в любое время дня и ночи. Она даже дала потерпевшей свой личный номер.

Шерри вышла из палаты, еще раз попрощалась и, закрыв дверь, так и осталась стоять к ней лицом.

– Эй, я восхищен твоей работой, – окликнул ее Джон. – Честно. Я знаю, она так ничего и не вспомнила, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.